

Век. кинот. - 1993. - Визуал. - с. 7

«Галатея ожила, только став статуей»

— Знаете, Оля, трудно представить, что ваш «ломовой» голос таится в таком «хрупком сосуде». Сцена это как-то «скрывает» от нас, зрителей, как, наверное, и многое другое, что происходит за кулисами. Чем еще «ломовым» надо обладать рок-звезде, чтобы оставаться популярной столь долгое время?

— Я себя никогда не считала рок-звездой... Люди назвали — спасибо, а я очень спокойно всегда относилась к званиям и наградам. Я не стремлюсь попасть в «семейный альбом» эстрады, как и не хочу попасть в иконы.

— Разве это не было радостным событием для вас, когда в прошлом году вы были признаны лучшей рок-певицей страны и получили премию «Оваций»?

— Все преходяще. Самое приятное, что после всего этого звона и оваций останется на память пластинка «Слушай рок», на которую я имела право как победительница. Что еще «ломового», вы спросили? Здоровье надо иметь ломовое: когда репетиции или выступления, часами мечешься потная на площадках, продуваемая сквозняками со всех сторон. И сильный дух надо иметь — но это уже от Бога, который меня укрепляет и ставит на этом пути.

— Вы в этом уверены?

— Верую. В Бога и свое назначение. Ведь сколько приходилось испытать разочарований, пока тебя впервые запишут, выпустят, заметят — слабые духом ломаются сразу. Иногда кажется: вот-вот ты схватишь за хвост свою синюю птицу, как, скажем, тогда в «Юрмале-1». Но все было заранее куплено, продано, решено, и как много судеб было сломано на том памятном всем фестивале.

Я пережила тогда поражение, может, легче других: труднее было в самом начале пути. Мама отнеслась к моему решению круто сменить жизнь и пойти на эстраду просто с паническим ужасом. Я неплохо заканчивала в Горьком архитектурный факультет строительного института, и моя будущая профессия ей очень импонировала, потому что она сама — директор Музея быта народов Поволжья. И вдруг дочь выбрасывает фортели! Возмущению просто не было предела...

— Что же примирило ее с вашим выбором?

— Моя одержимость идти все же своим путем — по ее мнению, легкомысленным и опасным. Соппротивление мамы закончилось в тот день, когда меня — Боже, это было десять лет назад! — приняли в оркестр Лундстрема, любимый ею со времен молодости. К тому же я потом смогла сама, без блата, поступить в Гнесинское.

— Когда вам было сложнее работать — в годы застоя или сейчас?

— Ложь на эстраде присутствует всегда. Тогда все же было сложнее. Но вот парадокс: оказалось, что гораздо легче петь, писать между строк, чтобы тебя поняли, чем говорить о том же в полный голос. Вот я пела «Солнечные города». И все понимали, что

это не о социалистических городах и не о капиталистических. Это о других городах. Я рисую их, я художник для всех, кто меня слушает... Сейчас как-то в одночасье обесценилось то, чем жила песня, — слова. А, может, чувства обесценились? Посмотрите, какими бесцветными стали песни о любви — о женщине, об Отечестве, о родительских чувствах. Все как будто выцвело. И вот перестроенные певицы зацвели махровым цветом: это не русские и не женские образы — все эти кривляющиеся на сцене девочки, а бледный слепок с Запада. На эстраде сейчас много мерзости. Мне, как ни странно, тоже стала приходиться в голову мысль — не диверсия ли все то, что мутным потоком хлынуло на телевидение, на эстраду?

— А, может, говорит какая-то обида? Ведь судьба капризна, особенно судьба звезды. И однажды «Московский комсомолец» весьма ехидно написал, что вы, получившая столь громкое признание, через год не вошли даже в хит-парады. Огорчает?

— И опять нет. Я, как мне кажется, дожила до того состояния духа, когда «хвалу и клевету приемлю равнодушно». К тому же я хорошо знаю цену хит-парадам и «кухню» всего этого.

— Паулс как-то сказал, что «идеологизированная, парадно-светская «Юрмала-1», где о свободе творчества и говорить не приходится, худо-бедно зажгла какие-то звездочки». Кто зажигает их сейчас? От чего зависит, долгой будет жизнь рок-звезды или короткой?

— Эта судьба, как мне кажется, в смутное текущее время ни в коем случае не зависит от твоего таланта и твоей песни, а от богатых меценатов, менеджеров, спонсоров, их пробивной силы. И от того, будешь ли ты с ними спать. У меня нет ни тех, ни других. Думаете, я не могу иметь таких спонсоров? Нет, я просто не хочу быть певицей «для избранных», для сильных мира сего, для богатых. Это означает для меня — лгать в искусстве. В политике можно простить ложь. Я тридцать три раза могу понять и простить ложь Ельцина, легенду о том, что его в мешке бросали в реку. Это политика. В искусстве нельзя приспосабливаться: я пела и пою для всех людей, не только для денежных мешков, это мое назначение, моя правда.

— В этой жизни почти нет поводов для оптимизма?

— Вовсе нет! Пессимист — это кому делать нечего. Настоящий художник творит всегда. Работа — это то, что в тебе происходит постоянно. Вот я готовлю сейчас — это творчество. А, может, одновременно ко мне приходят стихи, которые будут песней. Или читаю стихи моей любимой, великой тоскливицы Марины Цветаевой, и они чем-то новым прорастают в сознании. Я часто мыслью обращаюсь к ней. Ее душа не дает мне покоя, ее жертвенность и женственность, ее самость.

Вообще в искусстве женщины очень важно состояться как личности. Состояться, как

Гость «ВК»

Нет, все-таки лучшее место для интервью — московская кухня вечером. Ну уютно же себя чувствуешь, наблюдая за рок-звездой Ольгой Кормухиной не из зрительного зала, а в домашней суете, когда она колдует над кастрюлей, готовя на «всю кофлу» (домашних, друзей и «кто зайдет»), и одновременно читает стихи, отвечает на вопросы по телефону, разговаривает с собакой, присаживается на минутку, вскакивает. Заходят друзья — «привет-привет», чувствуют себя, как дома: им не в новинку и командировочный быт, и журналисты. Открытый дом, как мы говорим. «Вы чем-то немного удивлены?» — замечает она. Наблюдательна: да, с эстрады Ольга кажется такой же изящной и динамичной, но... чтобы такой маленькой, такой хрупкой...

Ольга

КОРМУХИНА:

Марина, как Нинон Ланкло, как Пугачева. Быть не пластилином в руках продюсеров, менеджеров — самой быть! Галатея ожила, только став статуей...

— Оля, концертный «прикид» дорого стоит?

— Очень, но в цифрах не скажу: я всегда выступаю в платьях, которые шью себе сама, и это, кстати, тоже творчество...

— Вынужденное? Что, дороги портнихи?

— Нет, я в своем «рукоделье» лучше себя чувствую на сцене: мое платье мне не мешает, я его не замечаю, когда пою. Я не работаю на имидж, делая ставку на тряпки, — только на искусство. Недавно мне подарили концертное платье за 4 тысячи марок. Первое, что пришло в голову: «За такие деньги можно микрофон купить! А ведь я это платье даже продать не смогу никому — дорого!». Шью сама для сцены и улицы, но настолько свое, что близкие впадают в ступор: как это можно носить? Вы видели, в каком камзоле я пела на Васильевском спуске «Россия воскресет»? Как смотрелся?

— Очень хорошо. Кстати, там были люди, стоявшие по обе стороны баррикад. Кому из них вы пели?

— Всем. Я не была ни на той, ни на другой стороне. Ни за Ельцина, ни за Хасбулатова. Я с теми, кто не хочет крови, не хочет жертв. Никто не видит своего пути и не прозревает его. Для меня все политики — это рабы страсти во власти, а, значит, слепцы: только будущее покажет, кто прав. И когда я пела, то с одной мыслью: не пролилась бы кровь... Вот все заладили: гражданская позиция, гражданская позиция. А человеческая позиция — насколько же это сложнее. Вовремя остановиться, чтобы не пролилась кровь. Вот почему я отказалась в своем творчестве от агрессивного рока...

— Значит, у вас впереди новые программы? Будут ли сольные концерты — где и когда? Видимо, то, что мы вас сейчас много меньше видим, связано с их подготовкой?

— Да. Сольные концерты начнутся осенью в ГКЗ «Россия». Но Москва для меня — ближняя галактика, и я не хотела бы много здесь выступать. Я больше ценю провинцию. Москва пресыщена, падка на моду, более агрессивна к артистам, избалована выбором, презентациями, рекламой. Публика здесь, как ни странно, самая неразборчивая, хотя себя считает очень знающей. В провинции лучше чувствуешь зал, он теплее, и он тебя сразу принимает. У меня всегда такое чувство, что Россия возродит провинцию, оттуда пойдет. К сожалению, из-за нынешней ситуации все артисты очень ограничены в гастролях — и из-за нестабильности ситуации, и из-за дороговизны переездов, гостиниц и прочего. Доходы от концертов не покрывают расходов на их организацию.

— Как я поняла, вас нельзя назвать богатым человеком?..

— Все, что я зарабатываю, я трачу на творчество. Повторю, у меня никогда не бы-

ло и нет спонсоров и менеджеров. Есть друзья, среди них много и состоятельных людей, и таких, с которыми я делюсь последним. Но нет ни шикарной квартиры, ни роскошной дачи, ни бриллиантов. Мои бриллианты — мои песни. Вот моя радость бежит рядом — собака, которую мне во время гастролей по Дальнему Востоку подарили моряки. Она тогда была еще крошечной.

— Кстати, это удобный повод перейти к другому вопросу: для многих было полной неожиданностью, что вы...

— Да, возглавляю оргкомитет по подготовке международного фестиваля «Звезды планеты в защиту живого». Мы получили поздравительное письмо от вдовы Владимира Кирилловича Романова — Леониды Георгиевны. Она приветствует это начинание, тем более что в России ничего подобного не проводилось.

— Представьте себе, а сейчас это нетрудно, что придется отказаться от любимой работы. Для вас это будет трагедией, если придется зарабатывать на жизнь другой профессией?

— Я как-то не думаю об этом. Может, потому, что есть верные друзья, любимые мною и любящие меня люди. Но если, если? Вернусь в свою архитектуру, если уж совсем туго придется! Все, что с нами происходит, это внешняя жизнь, сиюминутная суета. У меня самой такое ощущение, что я буду жить вечно, душа моя вечно будет пребывать в этом мире.

— И нет минут смятения?

— Есть, как и у каждого. В эти минуты я иду к своему духовнику, я молюсь...

— Многие из ваших коллег решали эти проблемы более земным способом — уезжали работать за рубеж...

— Не для меня! Никогда. Это заказано. Я могу быть только в стране своей. Я никогда не относилась себя к советской эстраде, но тем более не моя — зарубежная. Я никогда не осуждала людей, которые уезжали на Запад. Но мне много ближе позиция моих коллег, которые, живя в России, приобрели имя за рубежом, выпускают там пластинки, выступают, но не в ресторанах. Таких, как Андрей Мисин, Александр Виста, Инна Желанная, — они и за рубежом остаются носителями русской культуры, и желаю им добра!

...А, может, и действительно, не смогла бы? Где еще, как не в родном «Моссельпроме», так бывает: время за общим разговором пролетело так, что, глянув на часы, я остолбелела: далеко за полночь! У них, у звезд, режим должен быть...

— Какой режим, — изумилась она. — Еще чего! Плеваты! Некуда спешить. Потом вас доведем, куда хотите. А как моя стряпня?

Стряпня была на уровне. Одной (правда, огромной) кастрюлей она насытила всех домашних и всех пришедших на огонек. И стихи певица читала, словно доставая из сердца, голосом нежным, не «ломовым». Это была какая-то другая Ольга Кормухина — звезда в фартуке, чем-то напоминающая ту, прежнюю, раннюю озорную пацанку в шортах. И мне она очень нравилась...

Кормухину «доставала» на кухне Светлана СПИРИДОНОВА.

Фото Александра АБАЗЫ и из семейного архива.

